

УДК 32:070:398.23

«КОММУНИСТ – ОПТИМИСТ?»: КАК ИЗМЕРИТЬ «БОДРОСТЬ ДУХА» ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ КОНТЕНТ- АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЮМОРА СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ)

Е. А. Еремеева

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 61022, Украина, Харьков, пл. Свободы, 4
Eremeeva_e_a@mail.ru

Рассматривается проблема негативации общественного дискурса на примере политического юмора Советской Украины. Проведен сравнительный анализ официального и неофициального юмористических дискурсов путем контент-анализа реляционных баз данных «Тексты журнала «Перец»» и «Советские политические анекдоты». Прослежена динамика появления персонажей и проблематик с различными коннотациями.

Ключевые слова: политический юмор, контент-анализ, базы данных, негативация дискурса, советские политические анекдоты, тексты журнала «Перец».

Статистика в годы советской власти стала мощной пропагандистской машиной. На страницах журнала «Перец» (украинский журнал сатиры и юмора) в советский период также часто помещались разнообразные графики и диаграммы (см. рис. 1). Если хотели создать позитивный образ героя, с которого необходимо брать пример, то он изображался на фоне графика, «ползущего вверх». При высмеивании нерадивых работников – ниспадающая линия графика. Если проследить тенденцию изображения той или иной динамики в абстрактных графиках «Перца», то обнаруживается, что к 1991 г. они все чаще указывают на ниспадающую динамику производительности, качества, успеваемости и других показателей. Возможно, создатели журнала все больше «теряли бодрость духа», ведь абстрактные графики при их интерпретации могли привязываться и к более глобальным процессам. Для того чтобы подтвердить это или опровергнуть, необходим более глубокий анализ источников, отражающий общественные настроения.

Стабильность общества или политического режима зависит в том числе от трех временных измерений общественного сознания. Во-первых, от уровня доверия к программе-максимум, которая предложена этому обществу. Во-вторых, от того, насколько позитивным оказывается реальный образ существующего строя. И, в-третьих, от образа исторических событий, которые являются общим воспоминанием. Как отмечает К. Богданов, советский человек был «человеком терпения», он готов был выносить тяготы реальности ради светлого будущего [Богданов, 2009]. Даже если советский человек видел это будущее туманным, у него оставалось «сегодняшнее позавчера»: общие исторические события, являющиеся частью советского исторического мифа. Мы остановимся на одном временном измерении советского общественного сознания – настоящем. Мы попробуем ответить на вопросы: насколько позитивным был его образ, насколько масштабными виделись кризисные явления и др. Особое внимание мы будем уделять ответу на вопрос, были ли в 1980–1990-х гг. признаки «упадка духа» в обществе, который сопровождал кардинальные перемены во всех сферах общественной жизни или привел к ним.

Однако каким образом определить уровень оптимизма/пессимизма в общественном дискурсе? Оптимизм – это один из двух основных видов восприятия мира, выражающий позитивное, доверительное отношение к нему. Это склонность видеть и подчеркивать во всех жизненных событиях положительные стороны [Оптимизм, 2010]. Пессимизм – это восприятия мира, выражающее негативное, подозрительное, недоверчивое отношение к нему. Это подавленное настроение, склонность видеть и подчеркивать отрицательные стороны действительности [Пессимизм, 2004]. Как мы видим, оптимизм/пессимизм тесно связан с позитивным/негативным восприятием действительности. Следовательно, анализ позитивных/негативных образов в общественном дискурсе поможет нам приблизиться к определению оптимистичности/пессимистичности советского общества.

Визуальные образы были действенным способом пропаганды. Однако в этом исследовании мы будем анализировать тексты как конечный продукт и выражение дискурса, а конкретнее – как тексты, циркулирующие в советском социуме. Следует учитывать, что эти тексты будут не только

отражать образ советской действительности, но и конструировать его, так как любой текст не только отражает реальность, в которой он был создан, но и конструирует реальность, которую будут воспринимать реципиенты [Кулик, 2010, с. 9]. Поэтому мы будем использовать два вида источников: тексты, созданные официальной стороной общественной жизни, и тексты «из народа». Благодаря этому мы сможем выяснить, насколько позитивным был образ действительности, который предлагался советскому человеку в официальном советском дискурсе, и как этот образ воспринимался советскими гражданами. При этом как официальные, так и неофициальные тексты одновременно отражали реальные общественные настроения и способствовали их трансформации. Для примера мы взяли советские юмористические тексты, так как юмор охватывал практически все стороны общественной жизни в силу своих важных социально-психологических функций [Мартин, 2009, с. 23]. В исследовании сравнивались тексты журнала «Перец» в качестве примера официального юмористического дискурса и советские политические анекдоты, распространявшиеся на территории Украины, в качестве примера неофициального юмористического дискурса.

Выбранные для исследования исторические источники, «Перец» и советские политические анекдоты, различаются по многим параметрам: по мотивам создания, размеру, возможности формирования репрезентативной выборки, датировке, особенностям функционирования в социокультурной среде. Однако в ходе сравнительного анализа основное внимание было направлено на юмористические тексты как некие сообщения с закодированными смыслами, которые коммуникаторы транслировали определенной аудитории [Кулик, 2010, с. 9]. Как показывают материалы устной истории¹, тексты журнала «Перец» и советские политические анекдоты зачастую имели одну и ту же аудиторию [Интервью с Полупан Н. П., Шишко Л. Б., Прасолом С. А., Еремеевым В. О.], что создавало благоприятную почву для взаимовлияния официального и неофициального юмористических дискурсов. Судя по предыдущим исследованиям, советские граждане выборочно воспринимали то, что преподносил им официальный юмористический дискурс [Еремеева, Куликов, 2013, с. 18–22; Еремеева, 2013, с. 273–274]. Например, лучше всего воспринималась и в дальнейшем развивалась потребительская тематика. Иная ситуация возникала с политической тематикой: образы власти, Запада и других кардинально различались в двух юмористических дискурсах.

В качестве хронологических рамок исследования были выбраны 1941–1991 гг., т. е. время выпуска «Перца» в советский период. Советские политические анекдоты существовали уже с 1917 г., однако для проведения сравнительного анализа [Кожсякин, 2008, с. 6] мы будем учитывать анекдоты, появившиеся с 1941 г.

Сравнение двух видов дискурса, официального (или институционализированного) и неофициального, связано с существованием двух сторон общественной жизни в советском обществе, о чем необходимо сказать отдельно.

В историографии есть разные точки зрения на разграничение официальной и неофициальной сторон общественной жизни в СССР, а иногда и на их наличии вообще. Например, соавторы Гарвардского проекта² Р. Бауэр и Д. Глейчер отмечали в 1953 г., что, несмотря на постоянные репрессии со стороны властей, неофициальные коммуникации сосуществовали с официальными (единственно возможными), дополняли их (в случае с «нижними слоями населения») или полностью замещали собой (в случае с более образованными слоями) [Bauer, Gleicher, 1953, p. 297]. Представители более современной отечественной историографии, например, Б. Фирсов [Фирсов, 2008, с. 64], Ю. Левада [Левада, 1991, с. 15–30], О. Хархордин [Хархордин, 2002, с. 347], придерживаются точки зрения, согласно которой «разрушение монолитности советского общества» происходило через повседневные практики советского человека по «собираанию себя» в рамках неофициальной стороны общественной жизни, отделенной от официальной четкой границей. С другой точки зрения, «человек советский» страдал двоемыслием, т. е. чем-то вроде общественной шизофрении [Brom, 1988, p. 15–27].

Выражением официальной стороны общественной жизни была демонстрация лояльности власти путем выражения своего доверия к ней [Tikhomirov, 2013, p. 86], участия в общественных ритуалах, усвоения официального лексикона, проявлении нужных эмоций в нужное время и др. У. Редди назвал подобное явление «эмоциональным режимом», который помог установить договоренность между гражданами и властью для достижения стабильности существующей системы [цит. по: Tikhomirov, 2013, p. 107]. Как отмечал Б. Фирсов, «внутри советской системы существовали механизмы длинного и сложного согласования интересов общества и государства, их взаимного при-

способления» [Фирсов, 2008, с. 64]. Такая «договоренность с дьяволом», по выражению Фирсова, была необходима обеим сторонам. Согласно этой договоренности советский человек имел право на отстаивание собственного пространства, своей неофициальной жизни, в которой граждане могли оказывать каждый день скрытое сопротивление авторитарному режиму. Подобное сопротивление не было организованным или системным. Оно оказывалось без обычного оружия. Обычно использовалось «оружие слабых»: сплетни, мелкий саботаж, распространение шуток о власти и др. Это вполне вписывается в схему, предложенную Дж. Скоттом в рамках его теории «повседневного сопротивления». Согласно этой теории советские политические анекдоты можно рассматривать как «тайные послания» от граждан к власти [Scott, 1993, p. 73].

Таким образом, можно сконструировать модель общественной жизни в СССР, которая имеет две стороны: официальную и неофициальную, которые создавали собственные дискурсы, в том числе юмористические. Но воспринималась власть как «дьявол», и договоренность с ней объяснялась утилитарной целью.

Некоторые историки, антропологи, фольклористы [Богданов, 2009] считают, что между двумя сторонами общественной жизни в Советском Союзе происходило взаимовлияние. Это отражалось в культуре: официальная культура заимствовала у «народной» ее фольклорность, эпичность, а неофициальная – успешно принимала и делала частью своего языка идеологемы, клишированные фразы, объяснительные схемы и другие достижения культуры и искусства, прошедшие цензуру. Такие исследователи предпочитают скорее выделять единую «советскую культуру», а не «официальную и неофициальную советские культуры». Кроме того, источники личного происхождения указывают на то, что существовало значительное количество людей, которые принимали участие в митингах и других общественных ритуалах без особого энтузиазма, но и без ненависти и желания смены государственного строя; рассказывали анекдоты, в которых содержалась критика власти, но не из-за желания развала СССР, а просто потому, что «шутка смешная». Подобная общественная пассивность, а еще больше – двоемыслие, по мнению Фирсова, были опорой режима [Фирсов, 2008, с. 62–63]. Однако совсем отказываться от существования границы между официальной и частной жизнью советских граждан тоже не стоит. Трудно не согласиться с тем, что в авторитарном идеологизированном обществе не образовывались лакуны частного в противовес постоянному партийно-государственному контролю, борьбе с инакомыслием с помощью технологий принуждения и репрессивного аппарата [Каспэ, 2010, с. 196].

Таким образом, тексты журнала «Перец» и политические анекдоты, циркулирующие на территории Украины в 1945–1991 гг., можно рассматривать как проявление двух типов дискурса: официального и неофициального. Для их сравнительного анализа с целью выявления негативно-позитивосодержащей компоненты необходима систематизация большого объема информации, содержащейся в юмористических текстах. Это осуществимо методом контент-анализа с использованием СУБД MS Access.

В качестве единицы контекста был взят юмористический текст. В качестве единицы счета была взята частота упоминания определенных категорий (персонажей, проблематик и др.).

Для сравнения текстов журнала «Перец» и советских политических анекдотов были сделаны выборки из этих двух источников. Генеральная совокупность текстов журнала «Перец» приблизительно равна 30 тыс. Несмотря на то что в качестве единиц контекста были выбраны тексты, выборка составлялась из номеров «Перца», так как журнал представляет собой целостную информационную систему. Благодаря этому выборка из текстов, объединенных в журналы, позволит анализировать не только генеральную совокупность текстов журнала «Перец», но и сам журнал как информационный срез за определенный промежуток времени. В качестве пилотного проекта было обработано около 2 % от генеральной совокупности (537) текстов, отобранных методом простой случайной выборки.

Советские политические анекдоты – это фольклорные тексты, поэтому их можно вводить в научный оборот, если они каким-либо образом зафиксированы в исторических источниках. Остальные фольклорные тексты потеряны для исследователя. Из-за такой «неуловимости» фольклора точно определить генеральную совокупность советских политических анекдотов практически невозможно [Архипова, Мельниченко, 2011, с. 12]. Поэтому выборку составили все собранные нами политические анекдоты (2175 текстов). К сожалению, из-за указанной специфики источника судить о репрезентативности такой выборки практически невозможно.

Для обработки и систематизации информации об исследуемых текстах, их содержании были созданы две базы данных (далее – БД) в рамках СУБД MS Access™: «Тексты журнала “Перец”» и «Советские политические анекдоты».

Построение баз данных и формализация официальных и неофициальных юмористических текстов происходили по аналогичным принципам. Стержнем БД стал юмористический текст, который и является единицей контекста при контент-анализе. С ней связаны характеристические сущности (тип связи один-ко-многим): «персонаж» и «проблематика». Таким образом, БД имеют основные таблицы, отражающие характеристическую (динамическую) сущность – юмористический текст – и статическую (уникальную) информацию об этой сущности. В структуру основных таблиц обеих БД входят поля, содержащие информацию об атрибутивных признаках текстов: уникальный номер юмористического текста, его название, сам текст, о его размер и др. Из-за различия анализируемых источников базы данных также имеют различия. Например, в БД «Советские политические анекдоты» содержится информация относительно источника, в котором зафиксирован фольклорный текст, а в БД «Тексты журнала “Перец”» введены дополнительные поля, в которых содержится информация относительно исходных данных текста, его автора, жанра и др.

Одной из важнейших категорий, которую необходимо проанализировать для характеристики внетекстовых реалий и возможности изучения динамической информации, является локализация во времени. С этой целью в основной таблице БД, посвященной «Перцу», было отведено поле, в котором указывается год издания журнала. Относительной датировке анекдотов [Кабанов, 1997, с. 352]. посвящена отдельная таблица в БД «Советские политические анекдоты», в которую вносились все возможные даты создания текста.

С основными таблицами связаны вспомогательные («Персонаж» и «Проблематика»), представляющие характеристические сущности и, следовательно, динамическую информацию о содержащихся в тексте проблематиках, образах и пр. Так, в таблицах «Персонаж» и «Проблематика» обеих БД отражены непосредственно сами персонажи и проблематики, а также их место в системе образов и проблематик источников. Например, для лучшей систематизации информации в поле «Персонаж, вид» мы указываем «Сталин», «Персонаж, подтип» – «Генсеки», «Персонаж тип» – «Советское руководство». В таблице «Персонаж» также предусмотрены поля для информации о способах маркировки, роли в отображенном общественном диалоге, месте в диспозиции «Свой – Чужой», месте по отношению к другим персонажам (объект, субъект), оценке персонажа, его поле, семантических характеристиках (сила действия, активность как семантического узла, значимость в тексте) и др.

Таким образом, из-за значительного информационного потенциала и многоуровневости анализируемых источников невозможно было применить либо источник-ориентированный, либо проблемно-ориентированный подход. Поэтому отбор информации для создания БД должен проводиться исходя из проблем, которые мы стремимся решить с помощью контент-анализа БД. Следовательно, при создании БД использовался комбинированный подход, что может быть справедливо в случае любой БД такого рода.

Определение многих категорий контент-анализа БД и смысловых единиц текстов основывается в большой степени на экспертной оценке автора. Формализация текстов по таким категориям, как коннотации и маркеры, с которыми изображаются персонажи и проблематики, отношения между объектами и прочие, предполагает знание внетекстовых реалий, специфики юмористических текстов, наличие исследовательской интуиции. Поэтому в анализе выбранных источников на этапе отбора смысловых полей, формализации текста, интерпретации полученных результатов, проверки корректности формализации текстов играют значительную роль качественные методы исследования. Следовательно, зоной релевантности контент-анализа БД является анализ популярности тех или иных проблематик, образов, частота встречаемости тех или иных маркеров, коннотаций.

Для того чтобы определить, насколько позитивным или негативным является образ действительности в выбранных нами источниках, необходимо прежде всего проанализировать такие смысловые категории как персонажи текстов и их проблематика, так как позитивный или негативный образ действительности связан именно с ними. Поэтому исследовались такие таблицы БД, как «Персонаж» и «Проблематика». В таблицах, посвященных персонажам юмористических текстов, есть поле, в которое заносилась информация о коннотациях, с которыми упоминается персонаж в

тексте. Нами было выявлено пять основных видов коннотации: негативная, позитивная, несчастная, комическая и нейтральная. Если персонаж имел несколько коннотаций, то все они указывались в таблице.

Сначала мы сравнили общее соотношение персонажей с разными коннотациями, отмеченными в обоих источниках на протяжении 1945–1991 гг. (см. рис. 2). Как мы видим, «Перец» содержал намного больше негативных персонажей, чем советские политические анекдоты (46 и 23 % соответственно). Однако в «Перце» встретилось гораздо больше персонажей с позитивными коннотациями (18 % против 5 % в анекдотах). Кроме того, при незначительном различии доли «несчастливых» персонажей (15 % в «Перце» и 18 % в анекдотах), в анекдотах негативосодержащий компонент намного чаще скрашивается благодаря более активному использованию комических коннотаций персонажей. Означает ли это, что неофициальный дискурс позволял создать намного более позитивную картину действительности, а негативосодержащие сигналы исходили в основном от официального (чему народ всячески сопротивлялся, облекая пессимистические послылы официальных массмедиа в комическую форму)? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть трансформацию полученных данных в динамике (см. рис. 3).

Как мы видим, в официальном и неофициальном юморе наблюдается довольно разная динамика появления персонажей с негативными коннотациями. Если с 1940-х до 1980-х гг. заметна тенденция к постепенному уменьшению количества анекдотов, то с 1940-х до 1950-х гг. в «Перце» тенденция изображать персонажей с негативными коннотациями усиливается, к 1970-м проявляется менее четко и снова усиливается до 1990-х. В анекдотах с 1980-х до 1990-х гг. негативация дискурса становится более отчетливой. Кроме того, негативность персонажей в анекдотах увеличилась с 1980-х до 1990-х гг. только на 2 %, а в «Перце» – на 11 %. Количество позитивных персонажей в «Перце» значительно увеличивается к 1980-м гг., что совпадает с оптимистической официальной риторикой в начальном период «Перестройки». Возможно, в ответ на это в неофициальном дискурсе число комических персонажей еще больше увеличивается, а число позитивных – уменьшается, что может свидетельствовать о некотором недоверии к новому политическому курсу.

Если соотнести динамику частоты встречаемости всех коннотаций, то можно сделать вывод о том, что в «Перце» наиболее «оптимистическим» периодом можно назвать 1970–1980-е гг., когда проявились тенденции к увеличению доли позитивных и комических персонажей (при некотором снижении доли негативных и несчастных). Для анекдотов таким периодом являются 1960–1970-е гг. То есть в общественном сознании наиболее позитивный образ действительности сложился в период застоя. После него в неофициальном юморе наблюдается увеличение доли негативных и несчастных персонажей, однако продолжается усиление их комизма. Вслед за этим как в официальном, так и в неофициальном юморе начинается «пессимистический» период, причем в «Перце», как мы уже говорили, увеличение доли негативных персонажей было более значительным и началось раньше. Подтверждают ли эти данные предварительный вывод о том, что официальный дискурс был более «пессимистичным» и негативные послылы исходили именно от него?

Основная рабочая гипотеза, опровергающая этот вывод заключается в том, что носителями значительной части «негатива» в «Перце» являлись персонажи, составляющие образ внешнего врага (империалисты, капиталисты, сионисты, фашисты, украинские националисты и др.). Было проанализировано соотношение проблематик с негативной (социальные, экономические и другие проблемы) и позитивной валентностью (рекорды, успехи СССР в чем-либо, действия персонажей, с которых нужно брать пример, и пр.), а также сюжетов, связанных с созданием образа внешнего врага (см. рис. 4). Как мы видим из графика, усиление «пессимистичности» в официальном дискурсе с 1970-х гг. связано не с актуализацией образа внешнего врага, а с внутренними проблемами. Следует отметить, что в советских политических анекдотах образ врага, разработанный в официальном дискурсе, не прижился. Довольно часто Запад в неофициальном юморе ассоциируется со свободой и благосостоянием.

Для дальнейшего исследования необходимо определить, на какие персонажи ложится основная нагрузка негативности в советском юморе. Как мы видим, персонажи, которые представляют советское руководство, доминируют среди отрицательных персонажей в советских политических анекдотах (48 %) (см. рис. 5). Такие результаты обусловлены тем, что анекдоты были своеобразной формой «тайных посланий» граждан власть имущим согласно теории повседневного сопротивления Дж. Скотта [Scott, 1993, p. 24]. В таких «посланиях» граждане зашифровывали свое недоволь-

ство и осуждение представителей власти. Таким образом, анекдоты были «текстами о власти». Кроме того, персонажи группы «советское руководство» оказались наиболее популярными в анекдотах (43 % от общего количества всех персонажей).

Если анекдоты являются «текстами о власти», то тексты журнала «Перец» являются «текстами о простых гражданах», судя по количеству персонажей этой группы (43 % от общего количества персонажей журнала). Исходя из приведенных данных можно сделать вывод, что анекдоты и тексты «Перца» представляют две стороны общественного диалога. Однако советские граждане не несут на себе основную нагрузку негативности журнала. В «Перце» соблюдается некий паритет доли негативных простых жителей СССР (33 %) и доли негативных представителей власти, причем с некоторым доминированием последних (38 % от числа всех отрицательных персонажей). Таким образом, несмотря на всю «официальность» «Перца», советское руководство стало общим объектом осуждения для этого журнала и неофициального юмора. Кроме того, доля негативных персонажей власть имущих в числе всех персонажей «Перца» больше, чем в анекдотах (18 и 15 % соответственно).

Проследив изменение соотношения коннотаций, с которыми упоминается в юмористических текстах «советское руководство», можно выявить следующие тенденции (см. рис. 6). Как мы видим, в «Перце» к 1950–1960-м гг. на волне либерализации общества происходит значительная негативация образа советской власти. И в анекдотах власть все больше высмеивается. К 1970-м гг. в официальном дискурсе предпринимается попытка ресакрализации власти, о чем свидетельствует значительное увеличение количества позитивных персонажей власть имущих. Однако она не удается, так как неофициальный дискурс отвечает на нее еще большим количеством комических персонажей, представляющих советскую власть. С 1970-х гг. как в официальном, так и в неофициальном юморе увеличивается число негативных персонажей из группы «советское руководство», причем бросается в глаза синхронность, с которой происходит подобная негативация.

Приведенные результаты контент-анализа базы данных позволяют предположить, что именно из официального дискурса исходили «пессимистичные» послы, которым с помощью комизма неофициальный юмор сперва сопротивлялся, а после подхватил и развил. Однако если проанализировать негативные персонажи власть имущие, то становится заметна существенная разница между образом власти в «Перце» и им в советских политических анекдотах. Так, в «Перце» можно обнаружить попытку представить грехи власти как «перегибы на местах». Именно поэтому в официальном юморе доминируют представители низшего звена советской власти (председатели колхозов, главы райкомов, директора заводов и пр.), которые составляют 55 % от всех персонажей власть имущих. В анекдотах же, напротив, осуждаются в основном генсеки и другое высшее руководство (71 %), а низшее руководство встречается значительно реже (24 %). Таким образом, несмотря на меньшую долю негативности анекдотов, проблемы, которые в них затрагиваются, связываются с «первыми лицами государства». Однако тенденцию осуждать в основном генсеков и их приближенных можно списать на специфику жанра анекдота. Для того чтобы завоевать популярность среди населения, анекдот должен быть универсальным. Поэтому осуждаются чаще всего самые известные представители власти: генсеки и другое всесоюзное руководство. Для «Перца» это было недопустимо. Именно поэтому до 1990-х гг. доля высшего руководства среди персонажей группы «советское руководство» не растет. Однако возможно все же подспудно авторы текстов «Перца» изображали общественные проблемы более масштабными? Для ответа на этот вопрос необходим анализ других атрибутов персонажей помимо коннотаций.

Для официального юмора этот вопрос был актуален еще в период становления институализированного «красного смеха» в СССР [Калинин, 2013]. В это время имела место дискуссия среди деятелей культуры относительно того, нужен ли смех в советском обществе. И если нужен, то чем он должен быть: легкой забавой для трудящихся или оружием, с помощью которого общество должно искоренять пережитки прошлого, помехи на пути к коммунизму [Ушакин, 2013]. Казалось, к 1941 г., когда вышел первый номер журнала «Перец», дискуссия о «красном смехе» подошла к признанию второго варианта ответа на поставленный вопрос. Однако возникли опасения относительно того, что критика отдельных недостатков приведет к критике всей системы.

Для выяснения того, удавалось ли официальной сатире оставаться в рамках критики «перегибов на местах», необходимо обозначить границы проблем, поднимаемых в текстах журнала «Перец». Чаще всего персонажи – представители советской власти, как и большинство других образов

«Перца», идентифицировались по имени, должности и локализации. Можно предположить, что подобная конкретизация персонажа ограничивала распространение проблемы или порока, с которым этот персонаж ассоциировался. Контент-анализ текстов журнала показал, что уже с 1940-х гг. значительно уменьшается количество персонажей с конкретизирующими данными. Если до этого периода их доля была доминирующей (в среднем 75 %), то к 1991 г. она уменьшилась до 40 %. Эти тенденции проявлялись в более частом использовании понятий «номенклатура», «представители власти», в указании должности человека без приведения более конкретных данных о нем. На наш взгляд, в «Перце» при изображении действительности все чаще переходили от идеального к типичному [Каспэ, 2010, с. 196], а при изображении общественных пороков – от «перегибов на местах» к распространению их на все общество. Что касается «простых граждан» с их проступками и пороками, то также происходит уменьшение доли персонажей с конкретизирующими данными. Если в 1941 г. такие персонажи составляла 65 % всех журнальных «простых граждан», то к 1991 г. – 33 % (см. рис. 7). Более распространенными становятся и обобщающие понятия, относящиеся к этим персонажам: «жители села», «граждане», «работники завода» и пр.

Таким образом, официальный юмористический дискурс является более пессимистичным. В ответ на это неофициальный дискурс становился более комичным. Наиболее оптимистичной действительность представлялась в 1970-е гг. После этого в официальном и неофициальном юморе начинается увеличение доли отрицательных персонажей и проблематик с негативной валентностью. Кроме того, официальная пресса начинает посылать сигналы обществу о системном кризисе, расширяя масштабы изображаемых проблем. Можно предположить, что последняя тенденция была вызвана влиянием неофициального юмористического дискурса, так как рамки изображаемых в анекдотах проблем практически всегда были расширены до уровня всего общества.

Примечания

¹ Автором был начат сбор устных свидетельств о циркулировании в социокультурной среде Советской Украины политических анекдотов и текстов журнала «Перец». В 2008–2012 гг. было записано на электронный носитель 38 устных свидетельств респондентов разного возраста и разных социальных категорий. Все интервью расшифрованы и находятся в личном архиве автора.

² Одно из самых масштабных эмпирических исследований Гарвардского университета, которое состояло в сборе и анализе глубоких биографических интервью и опросных листов эмигрантов – бывших граждан СССР – в 1941–1951 гг.

Библиографический список

- Архипова А., Мельниченко М. Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования. М., 2011.
- Богданов К. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. Киев; М., 2009. <http://www.litmir.me/br/?b=199588&p=4> (дата обращения: 25.11.2014).
- Горобий А. Количественный контент-анализ периодической печати как источника по истории отношений СССР и ФРГ 1985–1991 // Ист. информатика: информ. технологии и мат. методы в ист. исследованиях и образовании. Барнаул, 2012. № 1.
- Еремеева Е., Куликов В. Потребительский идеал в юмористическом дискурсе Советской Украины: контент-анализ советских анекдотов и текстов журнала «Перец» // Res historica: czasopismo instytutu historii umcs. Lublin, 2013. № 36.
- Еремеева Е. Изучение советского юмористического дискурса с помощью технологий баз данных: на материалах журнала «Перец» и советских политических анекдотов // Ист. информатика: информ. технологи и мат. методы в ист. исследованиях и образовании. Барнаул, 2013.
- Интерв'ю з Єремєєвим Віктором Орестовичем // Особистий архів автора. Ан. 026.
- Интерв'ю з Полупан Наталею Петрівною // Особистий архів автора. Ан. 033.
- Интерв'ю з Прасолом Сергієм Олександровичем (2) // Особистий архів автора. Ан. 041.
- Интерв'ю з Шишко Любов Борисівною (2) // Особистий архів автора. Ан. 042.
- Кабанов В. Источниковедение советского общества: курс лекций. М., 1997.
- Калинин И. Смех как труд и смех как товар (стахановское движение и капиталистический конвейер // Нов. лит. обозрение. 2013. № 121. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/121/11k.html> (дата обращения: 22.10.2014).
- Каспэ И. Границы советской жизни: представления о «частном» в изоляционистском обществе (Часть вторая) // Нов. лит. обозрение. 2010. №101.

- Кожемякин Е.* Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Т. 15, № 2.
- Кулик В.* Дискурс українських медій: ідентичності, ідеології, владні стосунки. Київ, 2010.
- Левада Ю., Ноткина Т., Шейнис В.* Секрет стабильности самой нестабильной эпохи // Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991.
- Мартин Р.* Психология юмора / пер. с англ. под ред. Л. В. Куликова. СПб, 2009;
- Оптимизм // Философский энциклопедический словарь. 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/875/ОПТИМИЗМ (дата обращения: 25.11.2014).
- Пессимизм // Философский энциклопедический словарь. 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/923/ПЕССИМИЗМ (дата обращения: 25.11.2014).
- Ушакин С.* «Смехом по ужасу»: о тонком оружии шутов пролетариата // Нов. лит. обозрение: Теория и история литературы, критика и библиография. 2013. № 3. URL: <http://nlobooks.ru/node/3565> (дата обращения: 22.08.2014).
- Фирсов Б.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: история, теория и практики. СПб., 2008.
- Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. СПб., М., 2002.
- Bauer R., Gleicher D.* Word-of-Mouth Communication in the Soviet Union // The Public Opinion Quarterly. 1953. Vol. 17.
- Brom L.* Dialectical identity: A General Introduction to Alexander Zinoviev's Theory of the Soviet Man // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 1988. Vol. 42, № 1–2.
- Scott J.* Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven, 1993;
- Tikhomirov A.* The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941 // Slavonic and East European Review. 2013. Vol. 91, № 1.

Дата поступления рукописи в редакцию 01.07.2014

«IS A COMMUNIST AN OPTIMIST?» MEASURING “CHEERFULNESS” OF THE SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF CONTENT-ANALYSIS OF THE SOVIET UKRAINE POLITICAL HUMOUR)

E. A. Yermieieva

Kharkiv National University named after V. Karazin, Svobody sq., 4, 61022, Kharkiv, Ukraine
Eremeeva_e_a@mail.ru

The problem of the negatization of public discourse on the example of the Soviet political humour is considered in the essay. The solution of the problem allows to determine to what extent the image of reality in the public consciousness of the Soviet society was positive. An attempt to trace the transformation of that image during the Soviet period is undertaken and the representation of the crisis and its scale in the Soviet humour are analyzed. The problem of the differences between formal and informal public discourse is posed. The study of social consciousness is possible due to the discourse-analysis of the texts circulating in the Soviet society. The author analyzes the humorous texts of the journal «Peretz» («Pepper») and the Soviet political anecdotes. The analysis was done by the method of content-analysis using DBMS MS Access. Two databases (DB) called «The Soviet political anecdotes» and «The texts of the journal “Peretz”» were created. The Soviet political anecdotes and the «Peretz» texts were formalized on similar criteria; therefore the database models were built on the same principles. The databases include tables, devoted to the humorous texts, their characters and problematics. The author concludes that the official humorous discourse was more pessimistic whereas the informal discourse became more comical. In general, the most optimistic reality was presented in the texts of the 1970s, and the number of negative characters and problematics with negative valence increased after the 1970s both in official and unofficial humour. Moreover, the official media sent the signals about system crisis to the public expanding the scale of the described problems. That trend was caused by the influence of an informal humorous discourse.

Key words: political humour, content analysis, database, negatization of discourse, the Soviet political anecdotes, texts of the journal «Peretz».

References

- Arkhipova A., Mel'nichenko M.* Anekdoty o Staline: teksty, kommentarii, issledovaniya. M., 2011.
- Bogdanov K.* Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetskoy kul'tury. Kiev, M., 2009.
<http://www.litmir.me/br/?b=199588&p=4> (data obrashcheniya: 25.11.2014).

- Eremeeva E. Izucheniye sovetskogo yumoristicheskogo diskursa s pomoshch'yu tekhnologiy baz dannykh: na materialakh zhurnala «Perets» i sovetskikh politicheskikh anekdotov. *Ist. informatika: inform. tekhnologii i mat. metody v ist. issledovaniyakh i obrazovanii*. Barnaul, 2013.
- Eremeeva E., Kulikov V. Potrebitel'skiy ideal v yumoristicheskom diskurse Sovetskoy Ukrainy: kontent-analiz sovetskikh anekdotov i tekstov zhurnala «Perets». *Res historica: czasopismo instytutu historii umcs*. Lublin, 2013. № 36.
- Firsov B. Raznomyslie v SSSR. 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya i praktiki. SPb., 2008.
- Gorobiy A. Kolichestvennyy kontent-analiz periodicheskoy pechati kak istochnika po istorii otnosheniy SSSR i FRG 1985–1991. *Ist. informatika: inform. tekhnologii i mat. metody v ist. issledovaniyakh i obrazovanii*. Barnaul, 2012. № 1.
- Interv'yu z Polupan Nataleyu Petrivnoyu. *Osobistiy arkhiv avtora*. An. 033.
- Interv'yu z Prasolom Sergiem Oleksandrovichem (2). *Osobistiy arkhiv avtora*. An. 041.
- Interv'yu z Shishko Lyubov Borisivnoyu (2). *Osobistiy arkhiv avtora*. An. 042.
- Interv'yu z Eremeevim Viktorom Orestovichem. *Osobistiy arkhiv avtora*. An. 026.
- Kabanov V. Istochnikovedeniye sovetskogo obshchestva. *Kurs lektsiy*. M., 1997.
- Kalinin I. Smekh kak trud i smekh kak tovar (stakhanovskoe dvizheniye i kapitalisticheskii konveyer). *Nov. lit. obozreniye*. 2013. № 121. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/121/11k.html> (data obrashcheniya: 22.10.2014).
- Kaspe I. Granitsy sovetskoy zhizni: predstavleniya o «chastnom» v izolyatsionistskom obshchestve (Chast' vtoraya). *Nov. lit. obozreniye*. 2010. №101.
- Kharkhordin O. V. Oblichat' i litsemerit': Genealogiya rossiyskoy lichnosti. SPb., M., 2002.
- Kozhemyakin E. Diskurs-analiz kak mezhdistsiplinarnaya metodologiya: istoricheskiy aspekt. *Nauch. vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2008. T. 15, № 2.
- Kulik V. Diskurs ukrains'kikh mediy: identichnosti, ideologii, vladni stosunki. Kiev, 2010.
- Levada Yu., Notkina T., Sheynis V. Sekret stabil'nosti samoy nestabil'noy epokhi. *Pogruzheniye v tryasinu (Anatomiya zastoya)*. M., 1991.
- Martin R. Psikhologiya yumora / Per. s angl. pod red. L. V. Kulikova. SPb, 2009;
- Optimizm. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*, 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/875/OPTIMIZM. (data obrashcheniya: 25.11.2014).
- Pessimizm. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*, 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/923/PESSIMIZM. (data obrashcheniya: 25.11.2014).
- Ushakin S. «Smekhom po uzhasu»: o tonkom oruzhii shutov proletariata. *Nov. lit. obozreniye: Teoriya i istoriya literatury, kritika i bibliografiya*. 2013. № 3. S. 130-162. URL: <http://nlobooks.ru/node/3565> (data obrashcheniya: 22.08.2014).
- Bauer R., Gleicher D. Word-of-Mouth Communication in the Soviet Union. *The Public Opinion Quarterly*. 1953. Vol. 17, No.
- Brom L. Dialectical identity: A General Introduction to Alexander Zinoviev's Theory of the Soviet Man. *Rocky Mountain Review of Language and Literature*. 1988. Vol. 42. № 1–2.
- Scott J. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven, 1993;
- Tikhomirov A. The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941. *Slavonic and East European Review*. 2013. Vol. 91, № 1.

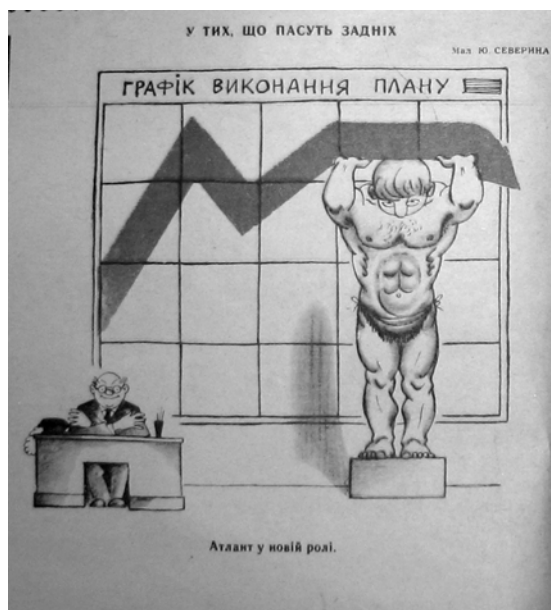

Рис. 1. Динамика абстрактных графиков «Перца» (1950, № 21, с. 1; 1973, № 8, с. 2; 1980, № 10, с. 2)

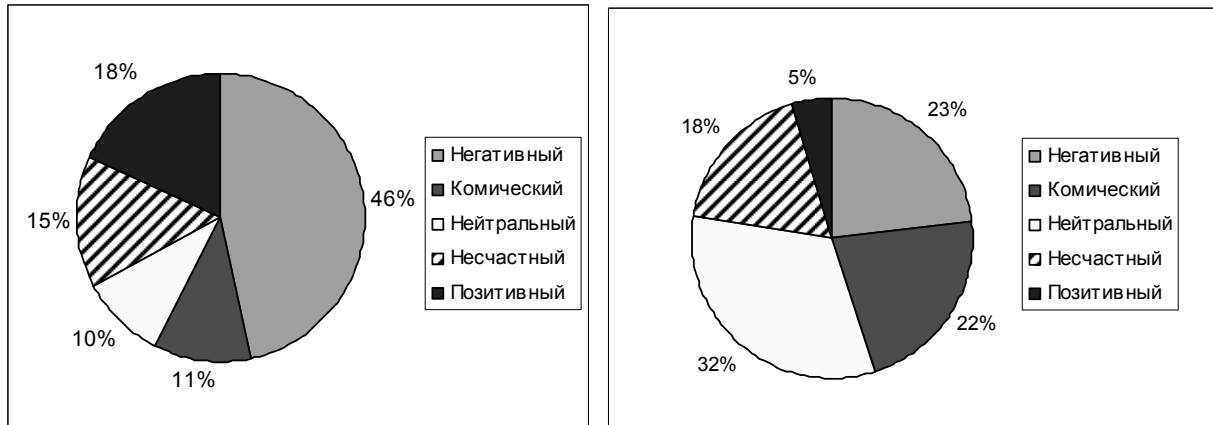

Рис. 2. Соотношение персонажей с разными коннотациями в юмористических текстах журнала «Перец» (слева) и советских политических анекдотах (справа)

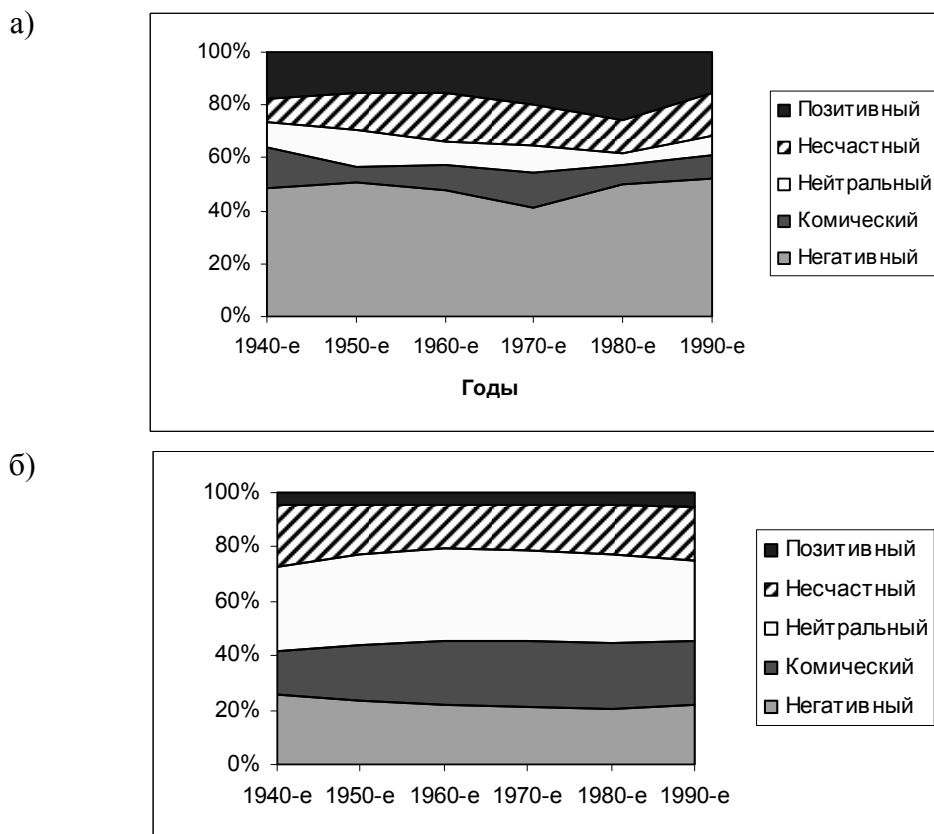

Рис. 3. Трансформация соотношения различных коннотаций персонажей юмористических текстов в советский период журнала «Перец» (а) и советских политических анекдотах (б)

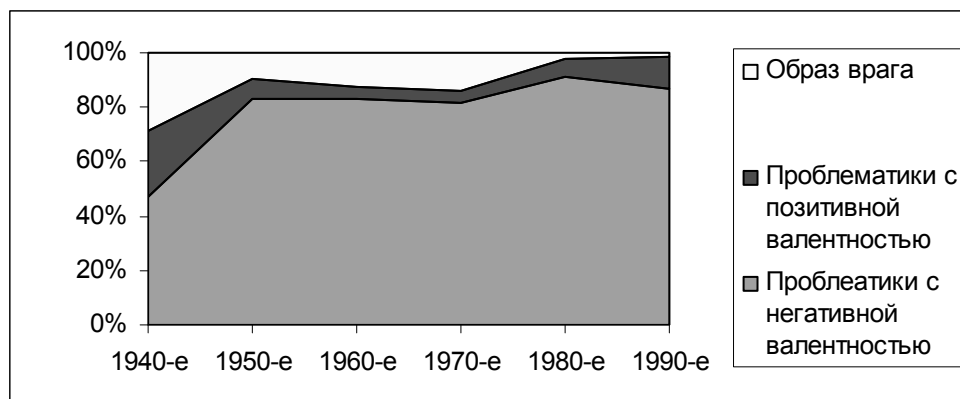

Рис. 4. Соотношение проблематик с разной валентностью и сюжетов, связанных с созданием образа врага

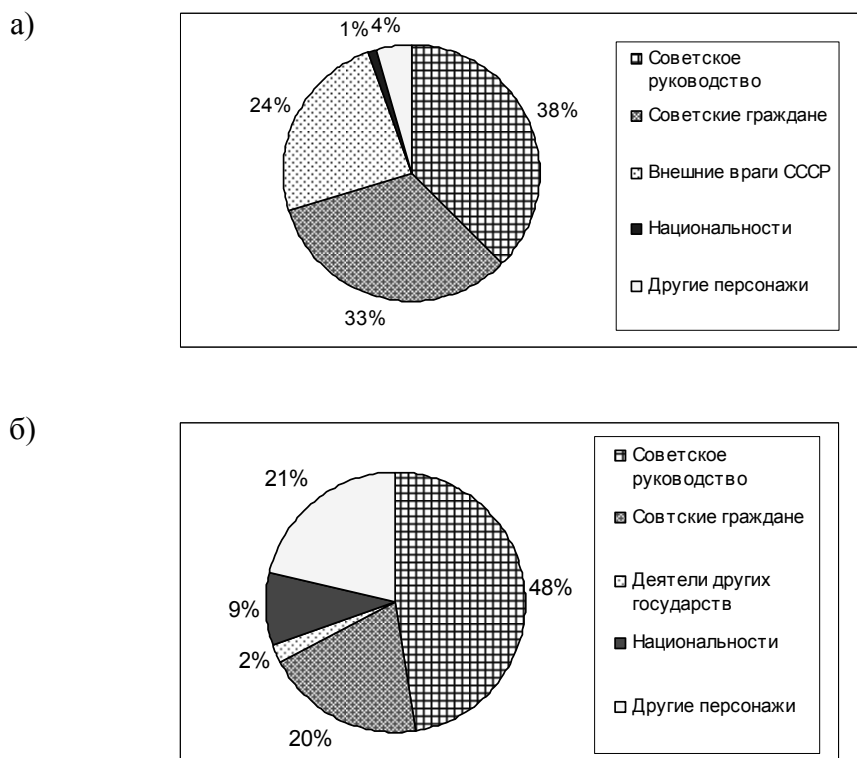

Рис. 5. Соотношение персонажей с негативными коннотациями в текстах журнала «Перец» (а) и советских политических анекдотах (б)

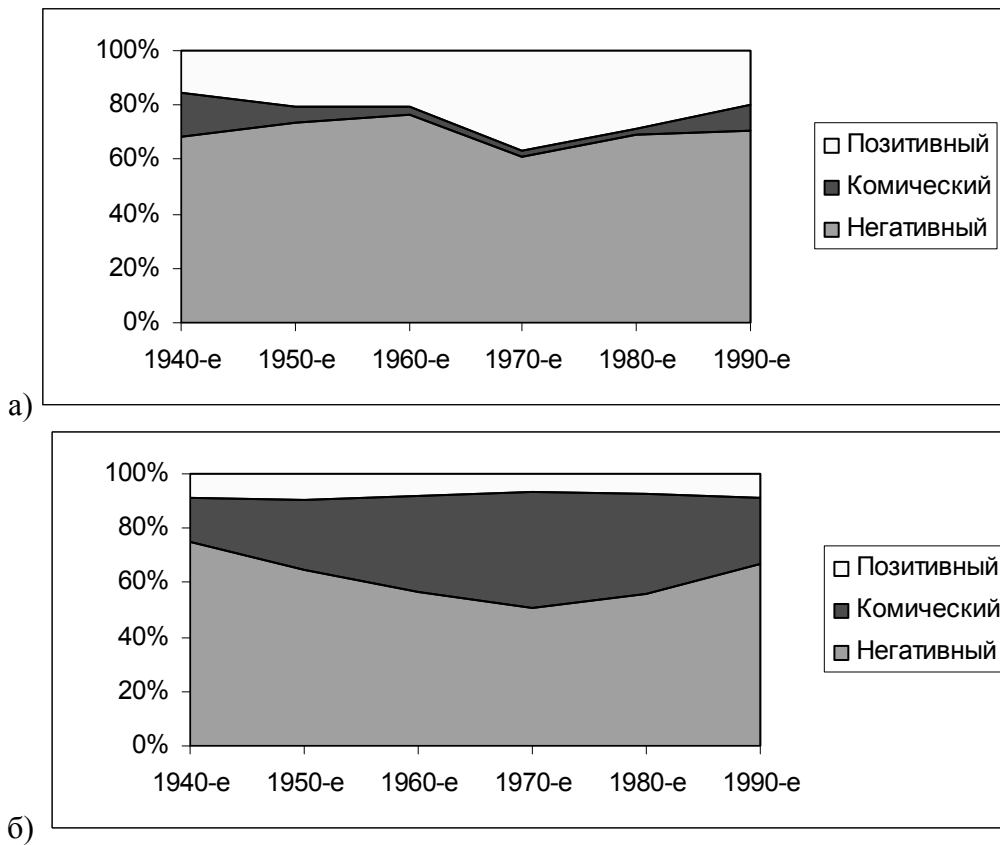

Рис. 6. Соотношение персонажей группы «Советское руководство» с различными коннотациями в текстах журнала «Перец» (а) и советских политических анекдотах (б)

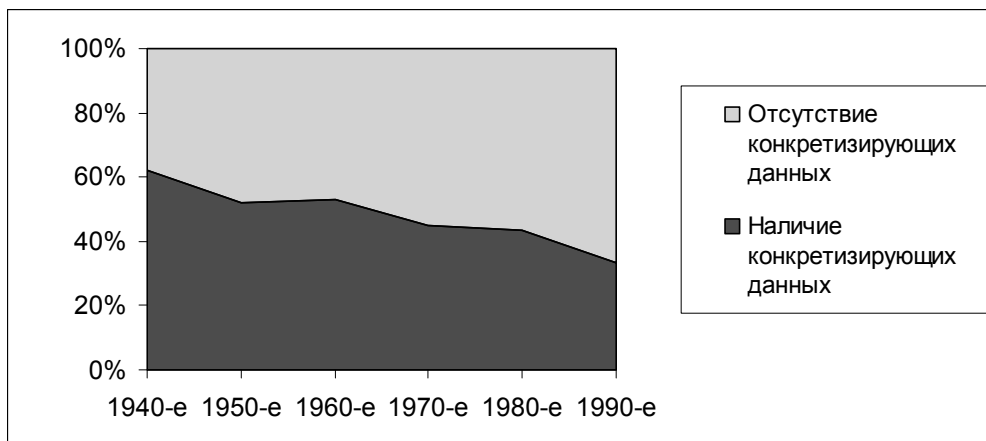

Рис. 7. Соотношение персонажей «Перца» с указанием их конкретизирующих данных (имя и локализация) и без них